

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Tipologia form idejnego moralizmu : osuzdaemye i osuzdausie sovetskogo regulativa

Author: Petr Cervinskij

Citation style: Cervinskij Petr. (2015). Tipologia form idejnego moralizmu : osuzdaemye i osuzdausie sovetskogo regulativa. W: A. Charciarek, P. Czerwiński (red.), "Oblicza przeciwnika : język a rzeczywistość w kategoriach ekspresji, polityki, ideologii " (S. 189-222). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Пётр Червинский

Типология форм идейного морализма Осуждаемые и осуждающие советского регулятива

Всякая социально направленная идея, в особенности воплощаемая политически и нацеливаемая на преобразование существующего положения вещей, неизменно сопровождается определенным образом ориентированной моралью. Смысл и характер такого сопровождения зависит от меры обобщения идеи, а также от степени ее соответствия реальности¹. Чем в большей степени претендует идея на то, чтобы быть генеральной, и чем в меньшей степени она согласуется с существующим положением вещей, тем в большей степени, как следствие, становясь преобразующей, объективно и субъективно она обретает признаки морализаторской. Морализирование, будучи, с одной стороны, компенсацией реально не достающего,

---

¹ О (не)соответствии реальности, определяемом, по словам К.А. Богданова, «стремлением не назвать, а создать называемое, утвердить (квази)онтологическое существование языковой действительности» (К. Богданов: *Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении*. „Антропологический форум”, № 8, anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_06_bogdanov_k.pdf [12.10.2012] пишется много. См., напр., работы: Ю.И. Левин: *Семиотика советских лозунгов*. В: Ю.И. Левин: *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. Москва 1998, с. 542—558; Н.Б. Вахтин: *Языковое манипулирование и воздействие на сознание на примере языка советской эпохи*. Элитариум: Центр дистанционного образования. elitarium.ru [12.10.2012]; В.В. Глебкин: *Ритуал в советской культуре*. Москва 1998; А.В. Голубев: *Мифологическое сознание в политической истории XX века*. В: *Человек и его время*. Москва 1991; В.А. Михеев: *Язык тоталитарного общества*. „Вестник АН СССР” 1991, № 8; А.Д. Шмелев: *Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху*. В: *Советское прошлое и культура настоящего*. В 2 тт. Екатеринбург 2009. Т. 2, с. 171—185 и др.

но выдвигаемого как цель, с другой, становится средством воздействия и побуждения² — симулятивного, через преобразующее подобие, и стимулирующего. Морализирование подобного рода неизменно предполагает активность, направленную на имеющийся и предназначенный к преобразованию материал. Смысл ее заключается во втягивающем в свою орбиту и свои сферы сжимании³, с отбором и приспособляющим усовершенствованием того, что пригодно, и удалением того, что препятствует или просто не вписывается в поставленные задачи и цель.

Активность эта далеко не в последнюю, если не в первую, очередь проявляет себя в языке, проникаясь и насыщаясь соответствующим идейно-моральным смыслом и духом. Известным образом эта активность имеет характер направленно языковой, с тем чтобы через преобразуемый в движении к общественной цели язык воздействовать на человеческий материал. Будучи способом конвенционального, как установленного, так и развиваемого, выражения, язык⁴, в социально направленном своем проявлении, становится органической частью *homo socialis*, живущего в данном обществе «общественного человека», носителя, обладателя и выразителя соответствующих принципов, знаний и установок, определяемых нередко

² О мобилизационном обществе и идеократии «в стране принудительно организуемого консенсуса» (Л. Гудков: *Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции*. В: *Образ врага: Сб. статей*. Сост. Л. Гудков. Москва 2005, с. 24), а также мифологема (идеологема) врага в этой роли см., напр., Н.Б. Арнаутков: *Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект*. Дисс. канд. ист. наук. Томск 2010; А.В. Фатеев: *Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954 гг.* Москва 1999; И.Л. Морозов: *Формирование в народном сознании «образа врага» как способ политической мобилизации России*. В: «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Санкт-Петербург 2001; И.Б. Гасанов: *Национальные стереотипы и образ врага*. Москва 1994; Д. Байрау: *Пропаганда как механизм самоорганизации*. «Отечественная история» 2008, № 1; О.В. Волобуев: *Советский тоталитаризм: образ врага*. В: *Тоталитаризм и личность*. Пермь 1994, с. 121—135; А.М. Филиппов: «Образ врага»: Роль мисперцепции в формировании менталитета и политики «холодной войны». В: *XX век: основные проблемы и тенденции международных отношений*. Москва 1992, с. 82—111 и др.

³ Направленную активность подобного рода можно было бы определить как мобилизационно-оптимизирующий *контрактив*, лат. *contraho, contractum* ‘стягивать, сжимать; собирать, соединять (*omnia in unum*); созывать’.

⁴ О языке подобного рода преобразования написано очень много. См., напр., такие известные по данной теме работы: Л. Ржевский: *Язык и тоталитаризм*. Мюнхен 1951; А. Фесенко, Т. Фесенко: *Русский язык при Советах*. Нью-Йорк 1955; И. Земцов: *Советский политический язык*. London 1985; J.W. Young: *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. Charlottesville 1991; M. Głowiński: *Nowomowa po polsku*. Warszawa 1991; П. Серио: *О языке власти: критический анализ*. В: *Философия языка: в границах и вне границ*. Ред. Д.И. Руденко. Москва 1993. Т. 1, с. 83—100; D. Weis: *Новояз как историческое явление*. В: *Акты 5-й конференции по проблемам социалистического реализма*. Bielefeldt 1998; J. Bralczyk: *O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych*. Warszawa 2001.

как идеалы. Идеалы эти, в сочетании всего, что реально и ирреально, складываются в определенный для данного «человека» и его «языка», общий у него с другими такими же⁵, системоценностный когнитивно-оценочный контекст с его проявлениями в коммутативно-экзистенциональных сферах, с возможностью сенсуального, ментального и знаково-семантического переключения (коммутация) их из одних в другие. Контекст, создаваясь и воспроизводясь соответствующим образом организованными высказываниями, пронизываясь следующей из направляемой идеи моралью, формирует тот общий морально-оценочный семантизированный и знаково⁶ определяемый тон, на фоне и в насыщении которого воспринимаются, действуют и воспроизводят себя любые включенные, а часто и не включенные, вербальные и не только вербальные смыслы⁷. Укладывается все это для возможного теоретического представления в некую когнитивно-оценочную парадигму идейно ориентированного отношения, причастность и знание

⁵ Об общем и индивидуальном (коллективистском) в идейно-моральном контексте советской действительности см. подробный философский анализ в работе: О. ХАРХОРДИН: *Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности*. Санкт-Петербург—Москва 2002.

⁶ Под знаковостью в данном случае следует понимать привычно распознаваемые, хотя и не всегда осознанные, значимые для данного языкового социума ментально-чувственные сигналы. О знаковости и символности, в том числе и применительно к политике и языку политики, см.: М. EDELMAN: *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana 1964; Дж. Мид: *От жеста к символу*. В: *Американская социологическая мысль: Тексты*. Москва 1994, с. 215—223; Ж. ДЕРРИДА: *Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук*. В: *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*. Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва 2000; Ж. БОДРИЙЯР: *К критике политической экономики знака*. Москва 2003; В.В. РАЗУВАЕВ: *Символические образы в международных отношениях*. «Международная жизнь» 1994, №1, с. 64—72.

⁷ С этим связывается выделяемая многими такая черта рассматриваемого языка и дискурса, как ритуальность, предполагающая необходимым условием повторяемость и основываемая на архетипическом и мифологическом как определяющем свойстве. Существует целая серия работ, посвященных данным проблемам, назовем только некоторые из них: Э. КАСИРЕР: *Техника современных политических мифов: Фрагмент из книги немецкого философа*. «Вестник Московского университета» 1990, серия 7, Философия, № 2, с. 58—69; М. EDELMAN: *Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns*. Frankfurt am Main, New York 1990; А.Н. БАРАНОВ, Е.Г. КАЗАКЕВИЧ: *Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре)*. Москва 1991; Т.В. ЕВГЕНЬЕВА: *Социально-психологические основы формирования политической мифологии*. В: *Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования*. Москва 1996, с. 22—32; В.В. ГЛЕБКИН: *Ритуал в советской культуре*. Москва 1998; А. КОЛЬЕВ: *Миф масс и магия вождей*. Москва 1998; Д.В. ДЮ БУА: *Самоочевидность и ритуальная речь*. В: *Кунсткамера. Этнографические тетради*. Санкт-Петербург 1998. Вып. 12, с. 198—222; А.М. ЦУЛАДЗЕ: *Политическая мифология*. Москва 1999; Т.В. ЕВГЕНЬЕВА: *Архаическая мифология в современной политической культуре*. В: «Политея» 1999, № 1, с. 33—47; В.И. КАРАСИК: *Ритуальный дискурс*. В: *Жанры речи: Сб. науч. статей*. Вып. 3. Саратов 2002, с. 157—171; А. КОЛЬЕВ: *Политическая мифология: Реализация социального опыта*. Москва 2003; К. БОГДАНОВ: *Риторика ритуала...*

которой (осведомленная принадлежность) составляют основу, для данного коллектива и его представителей, общей проекции взаимного действия и бытия, семиотичного и семантического по своему перцептивному и генеративному существу. Перцептивному первоначально, предполагая необходимость освоения и ориентации, для того чтобы далее проявлять себя также генеративно, в контексте регулятивно предписанного реагирования.

Указанная парадигма, отражая себя в языке установленного общественного взаимодействия, в его, в первую очередь публичной и официальной, проекции⁸, присутствует в нем как мотивирующее и насыщающее основание вербальных, паравербальных и невербальных значений. Обнаружить и описать ее для представления не заложенной в ней руководящей идеи, а в формах и смыслах пронизываемого ею узувального языка, предполагало бы необходимость выработки единиц описания в их согласуемом и системном отображении, выявляемых не столько из единиц самого узувального языка, сколько, с опорой на них, из отраженного в них и воздействующего на них когнитивно-оценочного контекста.

Тем самым та парадигма, о которой речь, не имеет собственно языковой природы. Без контекста своего оживления и окружения, на основе одних только по отдельности представляемых лексических единиц она не может быть достаточно полным образом определена. Контекст, в свою очередь, лишь отражая себя в языке, имеет характер ментального и сенситивного, а следовательно также не языкового, не знания, но осознания, точнее, ориентированного сознания и полусознания-чувствования, позволяющего, не ошибаясь или не слишком грубо, если все-таки ошибаясь, публично общественно себя проявлять. По этой причине задача, которая перед нами стоит, предполагая попытку типологического представления лексических единиц советского негатива под определенным для выбранной цели углом, не может быть сколько-нибудь удовлетворительно разрешена, только наметив пути того, как в материале единиц языка, известным образом преобразованных, отображают себя черты и признаки морализаторски подчиняющего, через неприятие, отвержение и осуждение, отношения к человеку. При этом не столько даже отношения к человеку как таковому, сколько к нему как к осуждаемо-вытесняемому типу, модели и образу, через посредство также модели, типа и образа — того и тех, кто, что и как должно и единственно может, поскольку приемлемо, быть. На этом как должно и как единственно и приемлемо проявляет и строит себя идейно ориентированная и регулирующая мораль.

---

⁸ Ср. различение официального (официолект) и публичного (публиолект) проявлений советского языка у А.А. Ворожбитовой: А.А. Ворожбитова: „Официальный советский язык” периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация. «Теоретическая и прикладная лингвистика». Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж 2000, с. 21—42.

В связи со сказанным возникает немало теоретических и процедурных проблем, касающихся как того, что было названо в представлениях *тех* и *того, кто*; *того, что* и *того как*, обозначено не вполне строгими терминами *модель*, *тип* и *образ*, *человек* как не таковое, а *образ* и *тип*, *ментальное*, *когнитивное*, *парадигма*, *узуальный язык* (понимая под этим для разбираемого случая советский язык⁹), *невербальное*, *паравербальное* и т.п., так и того, что собой представляет соотношение и переход чего-то из того, что *контекст* и *контекста*, в то, что *языковое* и *языка*. Не говоря уже обо всем остальном, также требующим, если быть строго последовательным, своего наблюдаемо конкретного выражения — что такое та всё регулирующая идея и следующая из нее как мотивирующее направленно-ориентированные высказывания мораль? Как понимать неприятие, осуждение, вытеснение и отторжение негативно воспринимаемого человека, в его видах и типах, в их отражении единицами идейно ориентированного узуального языка? Что собой представляет и чем является по отношению к общенародному и(ли) литературному, в нашем случае русскому, языку тот язык? Чем представляется характерно советская морально-идейная ориентированная направленность в парадигме своего когнитивно-оценочного и системоценностного отображения, ментально-чувственного по своему существу, и она же — в единицах и формах типичного для себя языка?

Все эти названные, а также не названные, но следующие из них вопросы, хотелось бы подчеркнуть, предполагались в своей постановке не в умозрительно ознакомительном и не социологическом, политологическом, историческом, антропологическом, психологическом или каком-то подобном своем представлении, как знание о человеке и связанной с ним социальной природе его же вещей (на эту тему имеется довольно обширная и всесторонняя литература), но как описание кода, точнее было бы говорить семантического языка, который существует и действует, следуя из природы этих вещей, но по своим собственным, свойственным коду и языку, законам, имея конкретные формы отображаемых этими формами семантических признаков и объединяющих эти признаки узуально актуализируемых и распознаваемых, знаковых, смыслов. Осознавая сложность и неподъемность возникающих из этого решений, попытаемся, не разрешая и не представ-

---

⁹ О понятиях русский язык советского времени и русский советский (советизированный) язык в его отношении к русскому языку и не только см., в частности: М. HELLER: *Langue russe et langue soviétique*. «Recherches» 1979, No. 39, p. 17—21; (М. Геллер: *Русский и советский язык*. «Русская мысль» 1980, 8 мая); Э. Хан-Пира: *Советский тоталитаризм и русский язык*. В: *Национально-культурный компонент в тексте и в языке*. Ч. 1. Минск 1994, с. 16—18; P. SÉRIOT: *Analyse du discours politique soviétique*. Paris 1985; Е.В. Какорина: *Стилистические заметки о современном политическом дискурсе*. В: *Облик слова. Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева*. Москва 1997, с. 226—242; Е.И. Шейгал: *Семантика политического дискурса*. Москва 2004.

ляя в достойном и полном объеме, коснуться этих проблем лишь попутно, на конкретных примерах и в намечаемом, следующем из их рассмотрения, развороте показать лишь отдельные, но вместе с тем сущностные, стороны допустимо предполагаемого описания стоящего за всем этим системно действующего кода и языка. Его особенностью следовало бы считать не только знаково-смысловую, немаловажную, доминанту, тем более в аспекте выбранного нами ориентира (осуждение, обличение, *конвиктив*, человека с позиций советской системой принятой и обосновываемой идеей морали), но и воспитываемое, внедряемое, эмотивно ориентированное и не менее, если не более важное, не всегда до конца обозначенное, хотя мотивированное, отношение к осуждаемому, отвергаемому, не одобряемому и т.п. в человеке, но и не только в нем, характер которого (отношения), в зависимости от осуждаемого человека типа, также не однозначен и градиционно типологичен¹⁰.

Из всего сказанного для данного рассмотрения нас будет интересовать привлекаемая из названного ранее общественного контекста идейно ориентированная мораль — в ее смысловом проявлении, отраженном разными типовыми формами в негативно оценочной лексике идеологизированно ориентированного советского языка. Формы эти могут быть и должны быть рассматриваемы как проявления стоящей за ними системоценностной парадигмы, не полностью, фрагментарно, точками себя проявляющей в выражаемых лексемами когнитивно-оценочных единицах. Негативно отмеченные лексемы советски ориентированного русского языка, взятые как материал, будут, тем самым, источником определения других единиц — когнитивно-оценочных и эмотивных смыслов негатива советского отношения (невосприимчивости и отвергания) к человеку-типу (человекотипам) — единиц соответствующего кода и языка идейно морализаторского восприятия и представления действительности¹¹.

Определяемая как идейно ориентированная мораль¹² может себя объявлять как явно и непосредственно, так и присутствовать без явного объявля-

¹⁰ Следовало бы добавить для разбираемого случая принцип идейно-очистительной иерархичности, отмечаемой рядом исследователей, см., напр., у А.П. Романенко: *Советская словесная структура: Образ риторика*. Москва 2003, с. 27–31.

¹¹ Действительности как воображаемого, так и существующего (ср. фантомность и симулятивность, соединение истинного и ложного как целого и пр., отмечаемые как типичные свойства подобным образом организованного языка, определяемого терминами *новояз*, *советский политический* = *публицистический язык*, *социолект* и т.п.), см.: Б.Ю. Норман: *Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии*. В: *Язык и культура. Доклады*. Киев 1994, с. 53–60; Ю.И. Левин: *Семиотика советских лозунгов...*; Д.Л. Стровский: *Использование стереотипов в содержании советской прессы как фактор ее манипулятивного воздействия*. <http://www.academia.edu/223154/> [12.11.2012]; Е.И. Шейгал: *Семиотика политического дискурса...* и др.

¹² Точнее было бы говорить об идеологическом подчинении и регуляции моральных принципов общества и его установок, их подчинении руководящей коммунистически

ния, пронизывая собой дискурсивно направленные высказывания, а с ними и через них насыщенные соответствующим привычным употреблением слова.

Одна из важных проблем, необходимых к своей постановке и разрешению на конкретном языковом материале, предполагает установление характера соотношения между тем, что было названо руководящей советской идеей, следующей из нее и на нее опирающейся, мотивирующей все дальнейшее и последующее, моралью, системоценностным когнитивно-оценочным социальным контекстом и таким же, со всеми этими признаками заряженного, вытесняющего, контрактивного отношения, регулятивным смыслом соответствующим образом ориентированного советского узуального языка. Обозначив данными терминами интересующую нас для дальнейшего описания тетраду, попытаемся в ходе анализа определить, что именно (и это будет одной из решаемых попутно задач) представляют собой эти действующие в определяемом эмотивно-семантическом коде, а тем самым, и в их соответствующем семантически-кодовом выражении а) всё обосновывающая идея, б) следующая из нее, и какая, ориентирующая советское отношение, мораль, с) воздействующий на все и все собой насыщающий социальный знаково-эмотивный контекст и d) выражающий всё это и в себе кумулирующий модулятивный, идейно-моральный смысл как единица до- и послевербального восприятия и выражения (реактивно-активного проявления носителей данного социального представления и его языка).

В связи с этим одной из важных проблем, которая, при ее разрешении, может отчасти позволить коснуться определения перечисленных остальных проблем, представляется установление того, каким образом и с помощью каких смысловых механизмов осуществляется переход лексической единицы с ее значением общеупотребительного и литературного языка к той единице, которая, выражаясь с помощью этой лексемы, начинает вбирать в себя и передавать соответствующий контрактивно-регулятивный смысл. То есть тот смысл, который и будет объектом нашего рассмотрения, являясь средством воздействующего на адресата, с позиций советского / несоветского, отношения к осуждаемому, порицаемому, вытесняемому — человеку как типу того, что не может и не должно в преобразованной и преобразуемой советской общественной жизни быть. Попробуем показать это на конкретном примере. Возьмем для этого, скажем, слово *авантюрист*, определив его первоначально в двух отношениях — как слово литературного языка и как единицу выражаемого конвиктивного смысла.

ориентированной идее. См. об этом, хотя и в несколько ином повороте: А.А. Гусейнов: *Моральная демагогия как форма апологии насилия*. «Вопросы философии» 1995, № 5, с. 5—11.

Словарные определения предполагают оценку с позиции несерьезности, легкомысленности поступков, мотивируемых поиском развлечения, удовольствия, приключений, с одной стороны (значение устаревшее и первое, от *авантюра* в знач. 'похождение, приключение'), и, возникшее на этой основе второе, более современное и активное, предполагающее склонности к авантюризму, с другой, с оценкой с позиций рискованности, сомнительности задуманного, без учета реальных условий и сил, в расчете на везение и случайность. Авантюрист, тем самым, это своего рода азартный игрок, поддающийся ражу, эмоциям, охватившим желаниям, полагаясь на счастье и руководствуясь — и вот тут возникает вопрос, для нашей задачи крайне существенный, руководствуясь чем? При характеристике *авантюризма* МАС, в частности, дает три имеющих к этому отношение признака — беспринципность поступков ради достижения легкого успеха, выгоды. Беспринципность, легкий успех, достигаемый, следовательно, без упорных усилий и вкладываемого труда, получение выгоды — признаки, которые кладутся в основу еще одного представления об авантюристе — как о дельце, согласно словарным определениям, беспринципном дельце, вызывая в сознании представление о делячестве, с его непорядочностью, поверхностно безответственным отношением к делу, махинациями, нечистотой.

Остановимся пока на таком представлении значения слова как единицы литературного языка, с тем чтобы вернуться к нему после характеристики его как носителя разбираемого конвиктивного смысла. Для начала покажем его в более или менее подробном, хотя не единственном, повороте, применительно к той тетраде (идея — мораль — контекст — контрактивный смысл), которая будет для нас выражением мыслимой когнитивно-оценочной парадигмы советского отношения к миру и человеку. *Авантюрист* может быть в этом случае воспринят и определен как тот, кто реально, т.е. в осуществленном им действии, или потенциально (в приписываемом ему намерении) препятствует своими действиями, высказываниями, поступками, отношением, самим своим бытием, тому, что должно, полагается, есть или только намеревается быть. К сказанному необходимо добавить сферу его проявления. Это сфера политики и общественной деятельности, с переходом на все, что предполагает приобретение в связи с положением, должностью, местом, отношением к руководению и власти¹³. Авантюрист, таким образом, является тем, кто действует (действователь) в сферах, связанных с распоряжительством (принятием важных решений) и распреде-

¹³ БТС — *Большой толковый словарь русского языка*. Ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000. МАС — *Словарь русского языка в 4-х томах*. Ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. Москва 1981—1984. ТСУ — *Толковый словарь русского языка*. Ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1—4). Москва 1935—1940. РСС — *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. Москва 1998. ТСЯС — Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.: *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург 1998.

лением, обусловленных достигаемым положением благ, выступая препятствием и соперником для другого, других, также стремящихся к этому или это уже имеющих, но ощущающих с его стороны угрозу своей позиции.

Важным будет из этого представления то, что авантюрист воспринимается как агент препятствия, предполагая реальную возможность недостижения или утраты позиции как цели стремления другим, достойным и подходящим.

Представленное, однако, еще не оценка, будучи лишь не объявляемым прямо, хотя и подразумеваемым, обоснованием искомого смысла. Обращаемая к адресату оценка содержится не в идее соперничества и даже не в идее препятствия к достижению места как цели, для адресата в общем и не конкретном случае не слишком существенных, а в характере производимого или намеряемого действия, выявляя свойственные авантюристу черты и особенности как обличаемого человека. Черты эти следуют из общего представления (лексического значения слова и знаний) и опираются на существующие и актуальные в обществе морально-этические оценки и ценности. Описывая, постараемся дать их в ориентирующем к данному проявлению развороте.

Итак, авантюриста, прежде всего, характеризуют стремление к цели, связанной с достижением позиции в советской системе (нередко самим им не объявляемой) и действие — поступки, высказывания и прочего рода активность, направленные на ее достижение. Иными словами, средства и путь. В итоге складывается модель, состоящая из намерения в отношении цели (*мотивация* намечаемого действия), средств и пути его достижения (*реализация* в действии).

Оценка и обличение в глазах адресата затрагивают характер *реализации*, ее способ и неизменно предполагаемый вид, следующие из типажа осуждаемого данным конвенциональным смыслом субъекта, определяемого термином *авантюрист*. Характер этот и его прогнозируемо очевидные следствия обусловлены признаками, о которых уже говорилось в связи со значением слова, но с расширением за счет существующих представлений. Итак, это склонность к рискованным и сомнительным в своих результатах поступкам и действиям, неучет при их совершении реальных условий и сил, беспринципность (неприхотливость при выборе средств), установка на легкий и осязаемый, нередко скорейший, успех, стремление к личной выгоде с помощью достижения цели (цель становится средством приобретения выгоды), связываемые с ловкостью, оперативностью предпринимаемых действий, их реактивностью, повышенной и нередко демонстративной, поэтому псевдодеятельной, активностью, а тем самым, делячество, с его непорядочностью, безответственностью, поверхностно-пренебрежительным отношением к делу и исполнителям, склонность к мошенничеству, нечистота, небрежность, интриганство, использование других (инструмен-

тальный подход к человеку), способность к непредвиденным, в том числе и самым низким, поступкам (непредсказуемость) — как в отношении тех, кто ниже, так и тех, кто стоит наверху, если это будет, по предположению совершающего, способствовать достижению цели.

Представленный образ, помимо сказанного, скрывает еще одну важную составную часть — несоответствие претендующего месту, на которое он претендует. Авантюрист, в конечном итоге, представляется выскочкой и узурпатором, т.е. тем, кто, не являясь достойным по своим качествам и изначальному положению претендентом, стремится к тому, что ему не положено, компенсируя это не одобряемыми средствами, действуя вопреки и в обход, нарушая общепринятый порядок сменяемых должностей. Эта часть согласуется с той, в которой шла речь о препятствии и угрозе другому (соперник, обличаемый как недостойный), однако в своей обращенности к адресату, не называя достойного прямо, предполагает в слушателе через отказ от авантюриста как претендента внутренний поиск и мысль о другом, подходящем, заслуживающем и достойном.

Все целое представления объекта оценки и осуждения, называемого словом, может быть разделено на четыре состава — 1) часть мотивирующую, как исходную и запускающую, важную для осуждающего, не адресата, а потому препозитивно не полностью проявляемую; 2) характеризующую, наиболее важную в отношении оценки и обличения, обращенную к адресату, апеллируя к его знаниям, представлениям и морально-этическим ценностям; 3) консекутивную, выводимую как обобщение из второй и из первой (точнее было бы говорить, обращенно стыкуясь с ней), дающую образ и представление о называемом субъекте как типаже, и, наконец, 4) часть, о которой пока что не говорилось, реактивную, точнее реактивирующую, запускающую в сознании адресата представление о том, как реагировать, как поступать, как вести себя с ним и чего можно и следует ожидать в отношении осуждаемого со стороны осуждающих в случае, если они распорядители и обладатели соответствующей волей и властью.

Каждая из четырех частей содержит признаки, для себя релевантные, в более или менее свернутом, хотя и вполне осознаваемом, виде, дающем возможность развертывания их, исходя из сложившихся актуально условий, в тот или иной продуцируемый сюжет. Актуализация заложенных признаков — явление конъюнктурное, обуславливаемое стоящей задачей и общественно-политической обстановкой, предполагая для своего рассмотрения определенный образ того и другого. По этой причине оставим ее без внимания, обратившись к обобщенному представлению выделенных четырех частей, дающему толчок к пониманию интересующей нас типологии когнитивно-оценочных единиц, с поиском и определением в них того, в чем и как проявляют себя вписанные в тетраду направляющая идея, координируемая ею мораль, социальный контекст, обличающий контрактивный

смысл, а также в чем и как именно проявляет себя во всем этом типично советская специфичность, если присутствует в нем как типологическая составляющая.

Обобщенное складывается из представления нежелательного позиционера (субъекта у руководящего места) — как соперника и угрозы другому, заслуживающему и достойному (1), как нарушающего нормы и правила одобряемо допустимого поведения, в том числе и морального свойства, (2), из чего следует представление о создаваемой им угрозе общественному спокойствию и сложившемуся и/или ожидаемо желательному положению вещей (3). Приписываемые ему в результате волонтаризм, насильственность, с вмешательством и субъективизмом в отношении социальной реальности с подчинением ее своим дезорганизующим действиям и проявлениям (перенос в действительность черт самого себя — симулятивный эффект), порождая в сознании представление о нестабильности (обобщение характеризующей части — его как беспринципного дельца-игрока) и беспорядке (не случайны в этом ряду выражения *ввергнуть, вовлечь, втянуть кого в авантюру*, т.е. насильно, не спрашивая согласия, обманом и неожиданно; *затеять, устроить авантюру*, ср. *затеять, устроить ссору, драку, дебош; поддаться на авантюру*, ср. *поддаться чужим желаниям, авторитету, влиянию, махинациям* = пассивная роль, с такими же негативными коннотациями), — рассчитаны все эти свойства и признаки на соответствующий в четвертой, реактивирующей, части вывод-ответ.

Авантюрист, как помеха сложившемуся и/или желательному положению и состоянию вещей, как претендующий на то, что ему не положено и чего он по своим свойствам и исходной позиции не достоин и не заслужил, создавая угрозу общественному (или коллективному) спокойствию и благополучию, в случае достижения им своей цели, предполагает, в этой четвертой части, для себя разрешением необходимость, для тех, кто способен, во власти, имеет возможность для осуществления этого, его устранения, обезвреживания, нейтрализации. Он является тем, от кого надо избавиться, предварительно соответствующим образом его общественно и/или перед лицом коллектива разоблачив, заклеив, а затем избегать, изолируя и лишая поддержки.

В полученном таким образом для предполагаемой типологии итоге *авантюрист* (то, что для языкового сознания и советского пропагандистского представления за этим словом стоит) будет описан в выделенных четырех параметрах мотивирующего (1), характеризующего (2), следствующего (3) и реактивирующего (4) как

- 1) препятствующий — для координирующе-организующей сферы общественного устройства (нежелательный позиционер);
- 2) потенциальный дестабилизатор (беспринципный эгоцентрист, в погоне за личной выгодой жертвующий спокойствием и благополучием других);

- 3) дезинтегратор, нарушающий установленный и/или желательный социальный порядок людей и вещей;
- 4) объект изолирующего оттеснения, нейтрализации и потенциального вытеснения из координирующей организацию общества сферы (объект *репрессива*, лат. *reprimō, repressum* 'прогонять, оттеснять; отражать; сдерживать, останавливать; подавлять, обуздывать, умерять').

Интересующие нас в связи с предпринятым рассмотрением составляющие компоненты тетрады (идея — мораль — контекст — конвиктивный смысл) постараемся для начала соотнести с представленными четырьмя параметрами. Идея видится связанной в первую очередь с первым и согласованным с ним четвертым параметром, следуя и одновременно производя из себя, точнее было бы говорить, соответствующим образом ориентируя, то, что условно было определено как мораль, характер и смысл которой проявляет себя главным образом во втором. Контекст, пронизывая собой все четыре параметральных проекции, в наибольшей, знаково-определяющей, части обнаруживает себя во второй и третьей. Конвенциональный же обличающий смысл, в наибольшей мере согласуясь с моралью (не случаен поэтому выбор, основываемый на определении типологических форм морализма), концентрируется, как и она, во второй, поддерживаясь и согласуясь с третьей.

Тем самым, идея действует по отношению к морали как мотивирующее (от первого ко второму), мораль проявляет себя как основа смысла, в известной мере выводимого из нее и с ней согласуемого. Как мотивирующее, через мораль, идея действует и в отношении смысла. Контекст выступает как все это поддерживающее и обосновывающее, как то, что питает и насыщает собой, выступая одновременно внутренним обоснованием (оправданием) данного представления имеющего место вещей.

Начнем объяснение с характеристики и уточнения компонента морали. Выводится она из того, чем является, предстает в неодобряемых своих свойствах и качествах авантюрист, определяющий смысл которых, в конечном итоге, сводится к тому, что он беспринципный делец и игрок, со всем тем, что из этого следует и с учетом того, что его беспринципность, делячество и безответственность игрока сказываются в общественно значимой сфере и отражаются, своими последствиями, на тех, кто в эту сферу неизбежно включен (из чего следует значимый статус его негатива). Интересующая нас и связанная с акцентами в общественной системе ценностей мораль, таким образом, выходит как следствие из отрицания делячества, беспринципности, склонности к риску, готовности выбора сомнительного пути, т.е. неразборчивости, из отрицания бездумности и нерасчета, стремления к легкому, не требующему усилий и вклада, достижению положения и успеха, поиска выгоды для себя и т.п., не гнушаясь методами и жертвами со стороны окружающих. Что представляет собой в своем заключении такая

мораль? К какому общему знаменателю ее можно свести? Составляющими ее, к которым сводилось бы все остальное и следовало из них, могли быть а) делячество; б) беспринципность; в) склонность к риску; г) стремление к выгоде и д) легкому, достигаемому без труда, успеху. Из каких предпосылок исходила бы такая мораль? И какой ее можно представить себе как некое целое? Динамически, с учетом того, что авантюрист — это действитель, разумным было бы предположить, что основу данного целого составляет как свойство делячество, которое к тому же не лежит на поверхности при восприятии смысла авантюриста. Беспринципность и склонность к риску, как ведущие и ощутимые, воспринимаемые на первом характеризующем плане, составляли бы части, с ним связанные, хотя и не следующие из него, выполняя роли определяющих, оформляющих и окрашивающих, придающих структурный и типологический вид его проявлениям и действиям, являясь одновременно такими же составляющими его самого. Стремление к выгоде выглядело бы как ведущий мотив и конечная цель, а стремление к легкому, без усилий, успеху — как средство и как проявление одновременно внутренних, нестабильно поверхностных свойств, компенсируемых, в условиях необходимости приобретения, отсутствием твердых моральных принципов и готовностью рисковать.

Итак, с делячеством в условно выбранном нами центре, беспринципностью и склонностью к риску на выдвинутом и распознаваемом плане, левого и правого оснований акционального проектива, своеобразных структуры и формы морально оцениваемых и воспринимаемых его проявлений и его самого, стремлением к выгоде как сопровождением и запускающим в действие все это построение толчком, дополняющим и уточняющим, ограничивая вид и характер предпочитаемого действия, стремлением к достижению легкого, не требующего затратных усилий, успеха, — в результате мы получаем конструкцию определенного типа, смысл и характер которой можно представить как своего рода ментальное образование¹⁴ (оценочно-когнитивную единицу) с морально-этическим, типичным для данного общества, наполнением:

---

¹⁴ Советский официальный язык как язык власти, а также, применительно к этому о языке как проявлении и орудии власти см.: Р. БЛАКАР: *Язык как инструмент социальной власти*. В: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва 1987, с. 88—125; Э. ЛАСАН: *Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*. Вильнюс 1995; Э.И. ХАН-ПИРА: *Язык власти и власть языка*. «Вестник АН СССР» 1991, № 4, Москва, с. 12—24; M.G. SMITH: *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917—1953*. Berlin; New York 1998; Т.В. КОЗЛОВА: *Язык и власть: метафоризация идеологем*. В: «Доклады и сообщения российских ученых» 1999, с. 231—241; В.Е. ЧЕРНЯВСКАЯ: *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия*. Москва 2006.

склонность к риску
 $\updownarrow \leftarrow$ к легкому, без усилий, успеху
 деячество $\downarrow \uparrow$ стремление
 $\updownarrow \leftarrow$ к личной выгоде
 беспринципность

Из этой структуры, в качестве вполне допустимого, можно было бы вывести предположение о том, что, воспринимаясь как морально-этический общественный позитив, давало бы представление о негативе в авантюристе. Деячество, интерпретируясь как дурно направленная, самоцельная предприимчивость (дело ради него самого, с пренебрежением ко всем и всему остальному), связывается в своей противоположности с необходимостью действовать и поступать, в известном смысле безынициативно и установлено. Источником проявления в деятельности не может быть «я» и «мое», следует действовать в принятых, существующих, обусловленных нормами схемах, на своем месте и в соответствии с отведенной общественной и/или коллективной (принятой в коллективе) ролью. Выводом этому будет ненарушение общественно деятельностного установления и порядка. В авантюристе, однако, не это будет на первом месте, присутствуя в нем как внутреннее обоснование. Его первое регулируется представлением о внутренней нестабильности, ненадежности, отсутствии твердого стержня, но не с позиций его, а с позиций других, в известном смысле поэтому его неконтролируемости и импульсивности. Несклонность учитывать интересы, желания или нежелания других дает представление о социальной его ненадежности, с пренебрежением всеми и всем, что не лежит в *его* интересах. С этим же связывается стремление к личной выгоде, а стремление к легкому, без усилий, успеху — с приобретением в обход одобряемых представлений о бескорыстном, с одной стороны, и последовательно-основательном, с другой стороны, труде, предполагающем определенную меру личных затрат и усилий во имя общего блага.

В искомой морали, как интересующем нас компоненте, выстраиваются, тем самым, две смысловые линии — отношение к одобряемому типу общественно проявляемой деятельности и отношение в этой деятельности и через нее к другим, внутри общества и внутри коллектива. Мораль эта сводится к субординативно-включаемой позиции единицы в данном структурном составе, с ее готовностью действовать, не выбываясь из целого и подчиняясь его организации и порядку. Компонентами представления будут объединенные в композицию (с ее элементами и отношениями) понятия *единицы, состава, структуры, системы, множества* (масса, число), *организации* (структура состава, устройство системы, включаемые в это масса, число плюс порядок и форма соотношений и действий), позиция единицы (позиции единиц), характер и тип ее (их) проявлений и действий

в составе (составах). Из сочетания указанных компонентов в проекции к характеру их взаимодействия и ролей можно вывести тип представляемого, в данном случае — тип общественно одобряемой морали.

Поскольку все это связывается с представлениями о норме, о том, как положено, установлено, как должно и желательно быть, авантюрист выступает как нарушитель (дезинтегратор) нормативно-деятельностной и нормативно-интерперсональной общественной составляющей, или того, что можно определить как *интерперсонально-деятельностный норматив коллектива* с распределением установленных в нем, как в структуре, мест, поведения и ролей. Приписываемыми морально-этническими признаками этого норматива, как следует из перед этим сказанного, были бы бескорыстно-трудолюбивое и коллективно-слаженное проявление каждого в действиях, в установленных рамках, режиме, на каждом отведенном месте и в соответствии с ролью, во имя общей поставленной цели. Мораль, таким образом, связывается с идеей общественно полезного предназначения человека, с той характерной особенностью, следующей из определяемого далее контекста, что предназначение это, в моральном его оформлении, имеет целенаправленно обозначенный и строго привязываемый характер, обусловленный построением общества, преобразуемого на советских основах.

Идея, оказывающая свое воздействие на мораль, далеко не всегда прямое и непосредственное, отражаясь, опять же не обязательно прямо, в выделенных ранее первом и четвертом параметрах (мотивирующего и реактивирующего конвиктивного смысла), связывается на поверхности первого плана с представлением о необходимости сохранения стабильности — пропагандируемых нормативов морали, установленных правил общественного движения и продвижения, имеющегося или желательного положения дел, предполагая, как следствие, разрешенную теми же проводимыми нормативами, необходимость регулирующего воздействия на общественный материал, коллектив в его устройении и составе, в отношении типов, характеров, персоналий, позиций и мест. В авантюристе, тем самым, можно было бы говорить, обнаруживает себя охранительно-выдвигающий характер организующей советской идеи, сводимый к тому, чтобы сохранить, не обязательно и не всегда обосновывая, необходимо желательный, установленный (или же устанавливаемый либо намеченный к установлению), порядок общественного движения — продвижения и выдвижения: правильным, принятым, одобряемым, образом выдвигаемый и продвигаемый вверх правильно, принятым образом, продвигает и движет с собой, за собой остальных и все остальное, т.е. верно организует и преобразует (будет, должен организовывать и преобразовывать) социально-общественное состояние и бытие.

И, наконец, возникает проблема, если не определения, то характеристики воздействующего на все это контекста, понимаемого, с одной стороны,

всеобъемлюще широко — как контекст всей советской действительности, так и, с другой стороны, конкретно и применительно для данного представления, т.е. для авантюриста, но не лексемы, а той когнитивно-оценочной, социального и языкового сознания, единицы, которая с помощью этой лексемы себя выражает. Для этого второго, поскольку первое краткому определению не поддается и в то же время второе есть не что иное, как первое, взятое в векторном проявлении, — для второго важным будет знание (помимо моральных и общественно одобряемых норм, о которых уже говорилось, но которые также входят в контекст) действующих порядков имеющей место сменяемости руководящих позиций для единиц в структуре состава общего или данного множества. Общего — для всего советского общества как системы, в его политическом, т.е. руководящем, звене; данного — как проекция общего в отношении той или иной общественной составляющей (производственный, научный, учебный либо какой-то еще коллектив). Это и будет вектором для контекста. Обозначим его вектором выдвиганий, или *проектива*, лат. *provehō, provectum* ‘выдвигать, возвышать, возвеличивать (над другими)’; *pass.* ‘подниматься, возвышаться’. Такое знание предполагает в качестве составляющей представление о возможном и допустимом для данного вектора — достойный, заслуженный, соответствующий, согласующийся (*конгруэнтный*), с точки зрения распорядителя (*институтива*), назначаемый (назначенный), предназначенный, избранный, из отмеченного состава (обоймы, *корпоратива*) — *инсигнитивный*, для представителя (*репрезентива*).

Соответствование, конгруэнтность, и предназначенность, инсигнитивность, представляя две стороны характеризуемого контекстного знания, проявляются в признаках того, кто и что не есть, не определяется как авантюрист, в первую очередь в отношении предполагаемого к выдвиганию, отмеченному, корпоративу. Контекстное знание с трудом допускает возможность участия в этом процессе любого не избранного, не корпоративного, репрезентанта. Тем самым, рождается представление двойного ограничения — из состава тех, кто уже избран и поэтому может претендовать, а в этом составе лишь тот или те, кто обладает признаком требуемой *конгруэнтности*. Конгруэнтность и инсигнитивность, выражая себя как знание, также способны быть определены в отношении всё тех же признаков не авантюризма (останемся в этих контекстных пределах, выход за них, порождая неоднозначность и разночтения, лишь усложнил бы задачу). Такими признаками могли бы быть, внешне, признаки отрицания — не стремление к личной выгоде, не беспринципность, не делячество и т.п., но это не соответствовало бы знанию о векторном проективе советской действительности. Из этих признаков, а точнее под этими объявляемыми признаками, следовало бы искать трансформированные другие: не делячество, не стремление к личной выгоде можно было бы понимать как признак корпоративно

согласуемой инициативности, т.е. предпринимаемых в настоящем и будущем действий не индивидуального, а группового значения; не склонность к риску и не стремление к легкому, без усилий, успеху — как стабильное и гарантируемое действование в рамках привычных, знакомых корпоративу, условий; а не беспринципность — как следование установленным нормам опять же корпоративного интереса. Все это касалось бы разных сторон конгруэнтности. Инсигнитивность определялась бы в отношении того, что сложилось как данность структурно-иерархической организации советского общества с его состоящим при руководстве звеном. В результате складывается модель представления о *конгруэнтном провекторе инсигнитивного корпоратива*, т.е. о том, кому может быть (пред)назначено стать во главе всего общества или отдельного коллектива. И, тем самым, если авантюрист, применительно к контекстному знанию, выступает в своем негативном типологическом обобщении как осуждаемый (конвиктив) разрушитель, дезинтегратор, дисконгруэнт задуманных, подготовленных либо готовящихся корпоративом в данной структуре (структурах) перемещений, т.е. *дезинкорпоратив*, то желаемый и соперничающий с ним позитивно определяемый или подразумеваемый конгруэнт обладает (номинативно) обратными признаками инкорпоративного интегратива.

Из всего этого складывается и на этом основывается тот конвиктивный смысл, который определяет авантюриста как когнитивно-оценочную единицу языкового и социального советского знания, единицу советской ментальности. Обобщая, ее можно было бы представлять в трех совмещенных позициях:

- агент нежелательного дестабилизирующего провектива, нарушающего порядок принятых, ожидаемых, прокламируемых продвижений и смен;
- помеха, угроза, разрушитель, дезинтегратор организованного, сложившегося и признанного копоратива, как общего, так и частного, системно коррелятивного и качественно отождествленного с общим, поскольку частное, часть — составной, неотъемлемый элемент взаимодействующего, спаянного и связанного целого (т.е. дезинкорпоратив);
- соперник (обратное, адверсатив) конгруэнта, т.е. дисконгруэнт.

Первая, векторно-акциональная (субъектная) часть, в наибольшей степени соответствовала бы тому, что было определено перед этим как консекутивная, или следствующая, обобщающая и итоговая в составе смысла. Здесь она, как актуальная и ведущая, но не с точки зрения негативной оценки, а с точки зрения воздействующей вершины для сообщаемого, т.е. того, что смысл с собой несет, представляя, с одной стороны, вроде бы непрямую, но навязчиво подразумеваемую подоплеку сказанного, с другой, оказывается в непосредственной связи с существующим в общем сознании образом общественных взаимодействий и отношений в советской действительности, с учетом контекста знаний (в котором в первую очередь

как когнитивная единица она себя проявляет), касаясь идеи возможного, с точки зрения действующих механизмов, и невозможного, допустимого, разрешаемого и отвергаемого в ней.

Вторая, объектно-акциональная, содержит мотив конвиктивной оценки, описывая характер и вид (дезинтеграция корпоратива) ожидаемого, приписываемого, дестабилизирующего проявления в системе (акциональность) определяемого словом лица как объекта определения (отсюда объектность). Эта часть согласуется с той, которая раньше была названа характеризующей.

Третья, согласуемая с ранее названной мотивирующей, содержит наиболее актуальную, с точки зрения мотива и интересов, тем самым интенции, осуждающего. Как интенциональная и мотивирующая она, при всей своей актуальности, не явна в составе смысла, касаясь представления осуждаемого как контрсубъекта, противоположного, обратного и как нежелательного противопоставляемого другому — объявляемому или не объявляемому, но подразумеваемому, субъекту желательного и предлагаемого выбора. Часть эта, которую можно бы было назвать субъектно-актуализирующей, наиболее полно представляя идею должного выбора из двух противоположных субъектно воспринимаемых типажей, даже при реальном отсутствии не называемого положительного второго, эта часть по природе своего смыслового устройства для разбираемой единицы биномна.

Тем самым, при таком представлении, *консекутив* для состава конвиктивного смысла становится частью вводящей, запускающей его восприятие в ход, *характеристика* — центральной, ведущей и ядерной, в наибольшей степени связываемой с интересом воспринимающего, а потому и оценкой, а *мотивация*, отступая внешне на второй план, становится толчком к представлению реактивации в еще одном компоненте, в конвиктивном смысле не отраженном, но из него на основе указанной мотивации следующем. Компонент этот прямо связан с контекстом общественных представлений о механизмах советской действительности с позиции распорядителя (распорядителей), т.е. диспозитора, добавляя, с одной стороны, для контекста категорию *диспозитива*¹⁵ и *объектного интенционального репрессива* в отношении авантюриста, как следствие из советского диспозитива, с другой.

Обращаясь к мысли о типологии когнитивно-оценочных единиц, выражаемых словами пропагандистского языка, как форм идейного морализма в объектах и субъектах конвиктивных значений, т.е. осуждаемых и осуждающих, стремясь, таким образом, обобщенно представить тех, кого осуждают и кто осуждает, попробуем не подробно теперь рассмотреть для

---

¹⁵ Лат. *dispono, dispositum* 'расставлять; располагать, размещать; распределять, приводить в порядок; выстраивать; устраивать, планировать' (с включением и сочетанием в диспозитиве самых разных, равно как и всех, из этих значений).

сравнения несколько аналогичных примеров, с тем чтобы на этой основе вывести принципы предполагаемого описания. Попутно следовало бы обратить внимание на то, что подобное описание, в своей полноте, опиралось бы на более или менее явное формально-структурное представление (для целей типологической характеристики) того, что было названо нами, условно и в отвлечении, составляющими советской идеи, морали, контекста и пр., т.е. того, что действует, отражаясь в значениях и категориях соответствующей когнитивности и оценки, передаваемых далее единицами языка. Рассмотрение этих важных для разбираемой задачи структурных объектов (понимаемых именно так) потребовало бы большого пространства и углубления, как отдельно для каждого, так и во взаимодействиях, общего проявления и общей для них парадигмы (советского социального и языкового сознания). По этой причине не могло оно быть предметом данного представления, лишь некоторыми, важными для анализируемых примеров, элементами и частями проявляясь в каких-то конкретных случаях. К подобным проекциям, в отношении того, что было названо когнитивно-оценочным социальным контекстом, следовало бы, в частности, отнести категории диспозитива и репрессива, о которых упоминалось, предполагая в их составе описываемые значения субъектов, объектов, медиаторов, исполнителей, в отношении семантики лиц, условий, мотивов, мест и т.п., в отношении обстоятельственных препозитивов, показателей степени, интенси́вности, качества, числа, равно как и чего-то другого и прочего, актуально себя проявляющего для сознания и языка. Таких категорий контекста (как, впрочем, не только их), в связи с другими ментальными единицами и на их основе, можно было бы вывести некоторое значительное, хотя и не неограниченное, число, что и давало бы при описании представление о его формально-структурном устройстве, а затем проявлении. Подобным образом, в категориях и их значениях, можно было бы описать обозначенные идею, мораль, а также другие структурные части парадигматики советской ментальности и ее языка. Неизбежно опуская все это, но имея как обоснование в виду, перейдем, прежде чем сделать важные для разбираемой типологии обобщения, к рассмотрению ряда примеров.

Возьмем для сравнения с единицей, подробно описанной в авантюристе, подобным образом выражаемую словом *агент*. Для языка, в котором можно было бы наблюдать ее проявление и действие, ее значение связывалось бы с такими определениями в МАС: 2. 'лицо, являющееся ставленником кого-л., служащее чьим-л. интересам' и 3. 'секретный сотрудник разведки какого-л. государства; шпион'. Отвлекаясь от малосущественных для разбираемого материала отличий 2-го и 3-го, обратим внимание на сходство, которое, позволяя определить объединяющий их конвиктивный смысл, даст возможность представить его типологическое отличие от того, что было выведено для авантюриста.

Важным для этой задачи будет то, что агент, как и авантюрист, относится к группе действующих. Однако, в отличие от авантюриста, он действует в пользу и по заданию кого-то другого, других — врага, противника и т.п. (не от себя и не для себя). При этом его характеризуют такие признаки, как скрытность, неясность, маскировка¹⁶, направленные на причинение вреда, получение скрываемых, секретных сведений, имеющих большое значение, а также на дестабилизацию, разрушение, иными словами, косвенно или прямо, на подрывную деятельность. Одной из определяющих черт, с чем связывается его дополнительная опасность, становится его внедренность, или подсаженность, т.е. присутствие в своем как элемента в нем чужеродного, разлагающего и вредоносного, внешне к тому же от своего не отличающегося. Эта черта может считаться для него различительной и характеризующей: осуждение, неприятие касаются в нем как действия им не от себя (акциональная подзависимость), так и скрытая вредоносность, под видом полезного или приносящего благо и своего, в пользу какого-то сильного неприятельского другого¹⁷. Сфера, акциональный вектор, такого

¹⁶ О маскировке, скрывании «под маской своего» и необходимости разоблачения, срывания маски в этой связи (консекутив конвиктивного смысла), как типичном для советского официального представления о враге, внешнем, но внутреннем в первую очередь, опирающемся, в частности, на национальное представление о физической нечистоте, о размытой неопределенности облика нечисти, его переменчивом многоличии и т.п., см.: Д. Вайс: *Паразиты, пададь, мусор. Образ врага в советской пропаганде*. «Политическая лингвистика» 2008, вып. 1(24), с. 20; К.А. Богданов: *О чистоте и нечистоте. Совполитгигиена*. «Политическая лингвистика» 2009, вып. 3(29), с. 43, 44, а также в подобной связи, с определением специфически советского представления о враге и о конфликтно-консолидирующей роли данного представления: Н.Б. Арнаутков: *Образ «врага народа»...*; Л. Гудков: *Идеологема «врага»...*; А.С. Белоконева: *Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: 1946—1953 гг.* Дисс. канд. социол. наук. Москва 2004; О.В. Волобуев: *Советский тоталитаризм: образ врага...*; А. Фатеев: *Образ врага в советской пропаганде...*; В.Д. Ольшанский: *Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954*. Москва 1999; А.Н. Савельев: *Образ врага: от биологии к политологии*. В: *Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня*. Минск 2004, с. 134—185; А.М. Филитов: *«Образ врага»: Роль мисперцепции...*; А.Ю. Мельвил: *«Образ врага» и гуманизация международных отношений*. «Век XX и мир» 1987, № 9, с. 32—51 и др.

¹⁷ Представление, или категория, своего и другого, мы и они (для чужого враждебного, т.е. чужого + опасного) в разных аспектах и с разных сторон, в том числе и с опорой на архетипическое и мифологическое, рассматривается в работах, посвященных проблеме советского официального отображения (конструирования образа) противника и врага: Б.Ф. Поршнев: *Социальная психология и история*. Москва 1979; Т.В. Евгеньева: *Архаическая мифология в современной политической культуре*. «Полития» 1998, № 1 (11), с. 33—47; И.Н. Ионов: *Мифы в политической истории России*. «Полития» 1998, № 1 (11), с. 5—32; М.В. Новикова-Грунд: *«Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе*. «Политические исследования» 2000, № 4, с. 82—93; А.В. Квакин: *Архетип, ментальность и оппозиция «свой» «чужой» в контексте истории*. В: *«Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы научной конференции, 24—25 мая 2001 г.*

его проявления касается в первую очередь государственной безопасности (объектов промышленности, как частное и через нее). Исходя из этого, в составе четырех составляющих конвиктивного смысла, его можно было бы определить по следующим признакам:

- скрытно-несобственный действительный потенциально опасного, разрушительного участия в жизненно важных структурах и элементах системы;
- дестабилизатор и подрыватель действующих процессов и организации субъектов, частей и элементов в этих структурах (дезинтегратив);
- односторонний (от своего к противоположно-вражескому другому) передатчик и проводник, маскирующийся, притворяющийся своим, симулирующий посредствующий противник — диссимулятивный инструментальный диверсатив, (лат. *diversus* 'обращенный в другую сторону, противоположный');
- объект устранения и уничтожения — объектно направленный эксклюзив, в реактивирующей части смыслового состава.

Таким образом, ранг негативной оценки агента представляется выше, чем у авантюриста. Агент в общественном отношении оказывается опаснее, морально-нравственная сторона его негатива к тому же усиливается его подчиненностью и орудийностью, т.е. действием на пользу другого, использующего его для своих деструктивных и дезорганизующих целей, а также симулятивностью — действием под прикрытием, маской, выдаванием себя за другого, и *субруптивной диверсностью* — подрывательской деятельностью не просто обратного из возможного или желательного для выбора (*аверсия* в авантюристе), но обратного-противного, противоположно направленного, обращенного в сторону неприятельского для своего (*диверсатив*).

Из этого представления следуют показатели возможной типологической характеристики, как в отношении видов противника, характера их позиций и проявления к противоположно другому (аверсия, диверсатив на основе примеров), так и в отношении позиционно и когнитивно оцениваемых различий осуждаемых с точки зрения осуждающих в конвиктиве системы. Это последнее может рассматриваться в параметрах консекутива (обоснования-следствия), характеристики (квалитатива), мотива (интенционального основания) и реактива (того, потенциальным объектом какого организуемого

Ред. С.П. Полтарак. Санкт-Петербург 2001, с. 102—108; С. Климова: *Логика социальных идентичностей, или «мы» и «они» вчера и сегодня*. «Отечественные записки» 2002, № 3, с. 106—121; С.Г. Климова: *Критерии определения групп «мы» и «они»*. «Социс». 2002, № 6, с. 18—27; Е.А. Баженова, С.А. Лапчева: *Оппозиция свой — чужой в политическом дискурсе*. В: *Материалы международной научной конференции*. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург 2003, с. 16—19; Дж. Мид: *Интернализированные другие и самость*. В: *Американская социологическая мысль: Тексты*. Москва 1994, с. 224—226 и др.

воздействия на него, со стороны диспозитора, может и/или должен стать называемый данным словом как негативный типаж). Систему же следует понимать как имеющееся, сложившееся в сознании представление, ментальную, передаваемую языком (своим языком), и не только, парадигму, включающую набор механизмов, типичных сюжетов, ситуативных схем, нормативов (порядков и правил), объектов, явлений, субъектов, действий, включая структуры, характер организации, места и позиции в социальном устройстве и пр. То есть все то, что в своей совокупности, не являясь действительностью реального факта, представляет воображение, образ, слепок, заряженную оценочно и субъективно модель, позволяющую интегративно, если не полностью согласованно, в реальности социального бытования себя проявлять, представляя возможные, допустимые ею и в ней, поведенческие, речевые проекции и их следствия — для себя, для другого (других), с определением, различением и знанием вида, позиции, типа, равно как себя, так и другого (других). С неизбежным следствием из этого акцептации и включения либо, напротив, дезакцептации и исключения — осуждения, *конвиктива*, на основе сжимания, сжатия (*контрактива*), с регулятивной задачей и ролью высказываемых по тому или иному субъектному адресу идейных, оценочных, апеллятивно-моральных суждений, в том числе и не в последнюю очередь через посредство разбираемых нами слов.

Следующим из таких выразителей определяемого смысла будет рассмотрен *бандит*, в интересующем нас представлении словарно описываемый как тот, кто открыто, организованно, обычно с оружием в руках, действует против советской власти. Ср.: *бандит* ‘участник вражеской контрреволюционной партизанской банды’ (пренебр. нов.) *Расстреляли трех бандитов из шайки Махно* || перен. ‘угнетатель, насильник’ (нов. ритор.) *Империалистические бандиты* (ТСУ); *бандит* презр. ‘член вооруженного контрреволюционного отряда’; *белобандит* ‘член контрреволюционной вооруженной группировки (в годы гражданской войны)’ (ТСЯС). Из чего следует необходимость отнесения его к группе действующих, как авантюриста или агента. В отличие от первого сферой его проявления будет не столько руководство и политика, сколько вооруженная борьба, имеющая к тому же вид не соперничества, а сопротивления, и не в пределах группы таких же претендентов на власть, а в группе, выступающей против власти. То есть бандит, прежде всего, борец с системой и против системы. В отличие от второго (т.е. агента) действия его имеют открытый и не внедренный характер прямого и непосредственного конфликта. К тому же бандит не является зашанным, выступая, хотя и в составе группы таких же, как он, но действуя в ней от себя. Сфера, акциональный вектор его проявления будет касаться существования советской системы в различных ее составляющих, становящихся объектами его разрушительной деятельности. Бандит не дезорганизует и дезинтегрирует, он уничтожает и разрушает элементы

и части системного целого. В составе четырех составляющих конвиктивного смысла его можно было бы определить по следующим признакам (наиболее важные для компонента подчеркнуты):

- открытый и организованный действительный реально опасного, активного проявления, направленной целью которого является уничтожение системы в составе тех или иных ее элементов и составляющих (дестабилизация и дезорганизация только как форма и следствие);
- деструктор и подрыватель действующих структур и частей в составе их элементов как таковых в самой их основе (*аболитив*, лат. *aboleo, abolitum* 'уничтожать, истреблять, разрушать');
- организованный, входящий в вооруженное объединение, группу, действующий в составе таких же, как он, целью которых является в первую очередь физическое насилие, — *композитивный виолентивный диверсатив*;
- объект преследования и истребления, в том числе и физического, — *объектно направленный персекутивный экстерминатив*.

Особенностью организации смысла является коррелятивная дополнительность признаков четырех частей. Черта эта предполагает возможность соотносительно уточняющего представления, — смысл проигрывается при восприятии в своем составе как целое с активизацией актуально важных, с одной стороны, и согласуемо уточняемых признаков, с другой. На примере выделенных подчеркиванием элементов механизм этот можно было бы, в частности, показать сочетанием *реально опасного и активного* в консекутивной части к *деструктору и подрывателю* в характеризующей, с уточнением к *организованному и насилию* в мотивирующей (в связи с чем *организованный* к *открытый* в консекутивной части присутствует как то, что уточняя характер открытости, определяет ее в соответствующем отношении к представлению о бандите, раскрываясь, как важное и ведущее, в мотивирующей). Подобным же образом себя проявляют понятия в признаках действителя консекутива к *подрывателю* и *в самой основе* в характеристике и снова к *организованному*, с определением *действующему в составе* (т.е. совместно и сообща), и к *насилию* в мотивации. Реактивирующая, наиболее скрытая и подразумеваемая часть, в наибольшей мере относящаяся к контексту и из него непосредственно следующая, будучи неизменным итогом оцениваемых значений состава смысла, действует как взаимно обратное, встречное в отношении трех остальных, — то, что это объект преследования и истребления предстает как следствие его собственных действий и признаков как склонного к физическому насилию, реально опасного и деструктора, подрывателя системы общественного устройства в ее основах. Этот тип отношений, пользуясь синтаксической терминологией, можно было бы назвать не корреляций и не согласованием, а управлением (которое способно в сознании иметь обоюдный характер — от

мотивации, включающей в себя идею признаков характеристики и консеквентива), к реактиву, равно как и от реактива к мотивации, а через нее к двум последующим.

В отношении типологического представления смыслов важным следствием из бандита будет понятие о *деструкторе аболитива*, возможных отличиях *диверсатива* (но это будут признаки последующих уровней описания) и о понятии *экстерминатива*. То есть о том, кто и как в конвиктиве системы, точнее для конвиктива системы, типологически себя проявляет и действует применительно к таким же объектам советского осуждения и в сопоставлении с ними, и каким может быть характер применяемого к ним реактивного действия, регулируемого, устанавливаемого и направляемого стороной диспозитора.

Следующие два примера, для контраста, возьмем из группы тех, кого осуждают не на основе их действия, а по характеру их внутренних, определяющих свойств. Ими будут оценочно-когнитивные единицы, выражаемые словами *алиментчик* и *аморальный (тип)*. Несколько забегаая вперед, данный фрагмент предлагаемой типологии, в отношении действия и не действия, можно бы дать примерно следующим образом. Впрочем, если не забегаая, то подвести к этому и представить в достаточно ясном и полном виде было бы здесь невозможно, поэтому ограничимся приводимой схемой с примерами без их дальнейшей типологической дифференциации в отношении смыслов и категорий типично советского осуждения (конвиктива):

Таблица 1

Активный	Пассивный	
препятствующий действитель аверсива и диверсива	не способствующий не поддающийся не мобилизуемый уклоняющийся	не принимаемый не обладающий не наделенный лишенный (требуемых и налагаемых свойств)
<i>авантюрист</i> <i>агент</i> <i>бандит</i> <i>анекдотчик</i> <i>антисоветчик</i> <i>белогвардеец</i> <i>болтун</i> <i>бракодел</i> <i>валютчик</i> <i>взяточник</i> <i>вредитель</i> <i>диверсант</i>	<i>алиментчик</i> <i>волокич</i> <i>волянич</i> <i>говорун</i> <i>графоман</i> <i>гуляка</i> <i>прогульчик</i> <i>пьяница</i> <i>дебошир</i> <i>демагог</i> <i>единоличник</i> <i>космополит</i>	<i>аморальный (тип)</i> <i>дутый авторитет</i> <i>аккуратист</i> <i>анонимщик</i> <i>бездельник</i> <i>безыдейный</i> <i>всепроцент</i> <i>вырожденец</i> <i>головотяп</i> <i>дармоед</i> <i>изживенец</i> <i>интеллигент</i>

То, что кто-то активный и действитель, делая его внешне более неприемлемым и опасным, упрощает его очевидность в объектно реактивирующей части. Пассивность, не поддаваемость, а тем более не мобилизуемость, а с этим и уклонизм, требуют обличения, с одной стороны (каковым и является, впрочем, само называние кого-то таким именно словом с приписыванием ему соответствующих свойств), а также развернутых обоснований для реактива, с определением, почему и как с ними следует поступать, изолируя, нейтрализуя и/или устраняя. Обоснования эти, представляя собой нередко предмет пропагандистских кампаний, составляют затем, обычно на соответствующий период (политический и социальный момент), то, что входит социальными знаниями в контекст, вписываясь, тем самым, в составляющие компоненты конвиктивного смысла. Уточняемыми в контексте значениями были бы *говорун* (как политическая, в частности, балаболка, отвлекающая пустопорожними разговорами и переводящая внимание граждан с реального дела на свою личность, фактически также соперник в борьбе за руководящее место), *демагог*, а оправленными к тому же кампаниями *единоличник*, *космополит*, *прогульщик*, *пьяница*, *дебошир* (ср. лозунги *Позор пьяницам и дебоширам! Пьяницам и дебоширам бой!* с соответствующими публикациями в прессе, а также кампании борьбы с прогулами, космополитизмом, бюрократической волокитой и пр.).

Вместе с тем есть другие слова, значение которых не требует скольконибудь существенных уточнений для своего понимания из пропагандой расцвечиваемого общественного контекста, поскольку их смысл вписан в ассоциативно-оценочное сопровождение общелитературных слов. В этих случаях следовало бы говорить об их темпорально актуализируемой привязанности. Язык обличения использует их семантику как слов языка и контекста как общего социального знания, редуцируя или нейтрализуя одни компоненты значения, актуализируя или усиливая другие, подключая контекстом вводимые третьи, место которых в составе значений не закреплено и о них можно было бы говорить скорее как о фоновых, действующих в сознании на основе знаний, о ком и о чем в реальности существования может и обычно должна идти речь.

К таким словам, точнее когнитивно-оценочным единицам, следовало бы отнести те, которые были выбраны для дальнейшего представления описываемой типологической картины. *Алиментщик*, определяемый словарно, с пометой разг., как 'тот, кто платит алименты' (МАС; БТС; сходно в ТСУ, РСС; в ТСУ с пометой нов.), а *алименты* как 'средства на содержание, выплачиваемые по закону отдельно живущим нетрудоспособным членам семьи (детям, родителям и др.) лицами, находящимися с ними в родственных отношениях' (МАС), — в таком своем представлении никакой негативной оценочности не отражает. Вся она целиком поддерживается и исходит из социального окружения, т.е. контекста, заряженного неодобрением, осуж-

дением и неприятием, следующими из существующих в обществе, на основе повседневной реальности, морально ориентированных знаний, обобщающих индивидуальное и представляя его как типичное. На эту оценочно не одобряющую общественную мораль накладывается и использует ее для себя, дополнительно также морально ориентируя и уточняя, руководящая социальная и политическая идея, проявляющая свой интерес с мотивацией коллективизма, строительства социализма и коммунизма, воспитанием патриотизма, с любовью к строю и идее строительства, оборачиваемый (интерес) для данного случая на осуждаемый объект. Общественная мораль, на основе обобщенного знания, становится в результате преобразенной моралью ведущей идеи, вкладываясь в семантику социально-контекстного употребления слова. Попробуем представить это на выбранном нами примере.

Алиментщик в указанном отношении воспринимается не столько как тот, кто платит установленные законом средства на содержание нетрудоспособных членов семьи, сколько, прежде всего, как тот, кто уклоняется от своих родительских и семейных обязанностей, бросая семью, не участвуя в воспитании своих детей (подростающее поколение строителей коммунизма и опору советского строя), нередко при этом скрывая размеры своих доходов, места работы и проживания, а потому и к тому же потенциальный нарушитель советского права и нелегал. Алиментщик, тем самым, в первую очередь, воспринимается с морально-оценочной стороны, — он ненадежен, неверен, сомнителен и неустойчив как в социальном, так и в идеологическом, а тем самым, и политическом смысле. Он нарушитель и уклонист, ему чужда мораль посвящения и коллективизма, личное, свои удобства и выгоды он ставит выше общественного, высокие цели строительства, построения нового общества от него далеки. Из этого следует, что советскому обществу, с его идеей личного посвящения и бескорыстного, во имя будущих поколений, труда, с моралью коллективизма и коммунизма, он также чужд и для него неприемлем, представляя собой в нем отклонение и пережиток, т.е. неподходящий и непригодный материал, на которого нельзя положиться и от которого следует, нейтрализуя общественно и обходя в назначениях, в перспективе и по возможности избавляться. В отношении конвиктивного смысла сказанное можно представить следующим образом:

- поступающий эгоистично-антиобщественным образом, что ведет к дезорганизации и потерям в составе обеспечивающей стабильность и перспективу общественного движения к поставленной цели репродуктивной группы (семьи), — не способствующий, недействительный на пользу, для частной проекции общего поступательного движения (*ассоциальностный дезорганизационный оператив*);
- нарушитель и уклонист в сфере обеспечивающих социальную стабилизацию и желаемо-направляемое общественное развитие нормативов,

групп и структур (*адверсивно-дигрессивный пертурбатив*, лат. *adverto, adversum* ‘обращать, поворачивать; направлять’; *digredior, digressus sum* ‘расходиться; отходить, уходить; удаляться’; ‘уклоняться’; *perturbo, perturbatum* ‘приводить в беспорядок, в расстройство’; ‘расстраивать, нарушать’);

- не способный по своим внутренним качествам и установкам к действиям, требующим самоотверженности и посвящения во имя достижения обществом поставленных целей, а потому ненадежный и нежелательный элемент общественного состава, — *позиционный дезагентив*;
- объект вытеснения и исключения, — *объектно направленный эксцептив* (*excipio, exceptum* ‘вынимать, извлекать; делать изъятие, исключать’).

Мораль проводимой советской идеи, на основе представленного примера, опираясь на действующую общественную мораль, используя, вписывает ее в свою цель и контекст. Возникает вопрос об отличии морали общественной от того, что можно назвать идейно ориентированной моралью, или от идейного морализма. Первая связывается с экзистенциональной стабильностью данного общества, вырабатываясь на основе его исторического опыта и бытия, формируясь и складываясь как то, что не заинтересованно и не подчиненно нацеленно, хотя последовательно и репрессивно, втягивает всех и каждого в состав социального организма. То есть такая мораль по своему характеру композитна. Вторая, проникнутая идеей, идею ставит в основу и полагает как приоритет, мораль, на основе обычно общественной, поворачивает к поставленной цели, делая ее по своему характеру заинтересованной, нацеленно нетерпимой и исключающей — всех и всё, что не соответствует желаемому дефинитивному представлению. То есть такая мораль композитно детерминативна, регулятивна и эксклюзивна, — она строится на основе финитного (целевого) предопределения в отношении общества и его представителей, изымая и исключая в нем, из его состава и в них, все то, что не вписывается или мешает необходимой, задуманной регуляции тех его черт и сторон, которые призваны действовать как используемые и способствующие в отношении проводимой идеи. Применительно к разбираемому материалу общественная мораль завершает себя на этапе межличностных и внутриобщественных взаимодействий, которые в отношении идейного морализма становятся не тем, что, будучи должно организовано, завершено, а тем, что используется как средство собственной необходимым образом ориентированной регуляции во имя идейно поставленной цели. Для алиментщика, на конкретном примере, это выглядит как возможность и необходимость использования заботящегося о своем потомстве отца (в его отрицании), посвящающего себя детям, семье, во имя и ради поставленной цели строительства социализма и коммунизма, с заботой и посвящением, переориентируемыми в своей направленности не только на собственное потомство, но в них, вместе с ними и через

них, на все представляемое к этому и не к этому остальное. При реальном отсутствии, по моральным исходно причинам, возможности его такого использования ради идеи, он, по декларируемым как моральные основаниям, становится объектом общественного осуждения (конвиктива) и исключения — эксцептива.

Применительно к *аморальному типу*, отнесенному к группе не обладающих необходимыми качествами (в отношении все той же идеи), для сопоставления с рассмотренным алиментщиком, это можно представить примерно следующим образом:

- не способный, в силу своих внутренних свойств, установок и склонностей, вести себя в соответствии с моральными нормами общества, что постоянно связывается с нежелательными в структурах общественных отношений помехами, отклонениями и нарушениями (*асоциальный дезорганизующий репрезентатив*);
- нарушитель и разлагатель морально-нравственных оснований общественного устройства, не признающий действительными и важными для себя существующие для всех, а тем самым и для него, ограничения и правила условий межличностного и социального взаимодействия (*имманентно-конвенциональный дискоординатив*);
- в силу свойственного ему отрицания и противоречия тому, что является общим и обязательным, непризнания его для себя, не способный необходимым образом действовать и быть полезным для дела общественно-го строительства, — *композиционно-структурный дезинтегратив*;
- объект избегания, вытеснения и удаления, — *объектно-изоляционный сегрегатив* (*segrego, segregatum* ‘отделять от стада (овец)’; ‘изолировать, удалять, отлучать’).

Аморальный тип, как и алиментщик, не действитель, т.е. пассивный. Не действитель против системы (как бандит, агент или, в известном смысле, авантюрист), но и не действитель на ее пользу. Вместе с тем он и не оператив, как алиментщик, поскольку проявляет себя в своих признаках (как тип аморальный) не в поступках и поведении, а во внутренних свойствах и качествах. Его поступки и поведение, а также и все возможное остальное, являются следствием, воплощением того, чего обладателем, каких именно морально не одобряемых свойств, он выступает. Внутреннее психологическое отличие или, напротив, сходство между тем и другим в данном случае не имеют значения, с той оговоркой, что алиментщик может быть обозначен как *аморальный тип*, в то время как далеко не каждый, способный быть таким образом названным, выступает как алиментщик. Поскольку этот последний предполагает не только внутренний, осуждаемый обществом, способ своих поступков и поведения, но и понятную всем позицию в социальной структуре, т.е. должен, имея семью и детей, платить алименты, как правило, не добровольно, а по установлению суда. Отсюда

в третьей, мотивирующей, части, он выступает как позиционный дезагент, с акцентом на неполноценность и пораженность, а потому нежелательность и неспособность, в отношении своего общественно полезного проявления. Аморальный тип, будучи по своим признакам разлагателем, а не исполнителем того, что навязывается от общества и извне (в возмещение и замещение тех обязанностей и проявлений, от которых он уклоняется как алиментщик), оказывается не позиционно, а в составе социальной структуры, тем, кто не столько в ней действует или не должным образом действует, а, присутствуя в ней, изнутри ее внутренне расподобляет, в составе признаков ей приписываемых как необходимое и желательное, поскольку обеспечивает ее продвижение и переход (итеративность и перманентность).

Из всего сказанного можно вывести образ возможной в последующем типологии того и тех, которые, являясь объектами осуждения (*конвиктива*), отмечают, содержат признаки того, что отрицается как препятствие в человеке, объекте, субъекте и материале социалистического строительства и движения общества к коммунизму. То есть на этой основе представить модель негативного исключаемого, модель *регулятивного контрактива*. Представление об этой модели может быть в разной степени выведенным в глубину, с уточнениями по уровням и составляющим признакам, вплоть до элементарных, принимаемых в традиции семантических формализованных описаний, объединяясь в структуры большего по правилам сочетаний. Выведение этих признаков, с представлением их в системе со своей синтагматикой и парадигматикой (а именно это имело бы смысл) требует обстоятельного и углубленного описания обширного материала, с учетом его идейно ориентированных оценочно-когнитивных особенностей. Ограничимся в завершении представлением лишь некоторых, важных по нашему мнению, оснований подобного описания.

Критерием выделения параметров, а впоследствии также и признаков, не бесосновательным было бы взять бинарность, с противопоставлением, в последовательности порядков, активного и пассивного, действующателя и не действующателя, действующателя направленно против (субъективно, намеренно) и не направленно (объективно и/или не намеренно), если не против, то не на пользу, а тем самым, во вред. Активными действующателями направленно против были бы, из представленных, агент, бандит. Активным действующателем не направленно (объективно, а также намеренно) не на пользу, а потому во вред, выступил бы авантюрист. Среди не действующихателей можно было бы выделить проявляющих себя в поведении операторов (а потому и пассивно-активных) и обладателей нежелательных свойств, соответственно, как не способствующие (алиментщик) и не принимаемые (аморальный тип).

Сетка дальнейших соотношений и противопоставлений предполагает различие тех, кто является разрушителем, или деструктором, активным, на-

меренным, в действиях или нет, всей советской системы в целом (с целью уничтожения ее — белогвардеец, контра) или в ее составляющих (вредитель, кулак, агент, диверсант), либо дезинтегратором, нарушителем, разлагателем, подрывателем ее каких-то основ — моральных (как аморальный тип), морально-духовных (сплетник, болтун, паникер), экономических (саботажник, прогульщик, туеядец, бездельник, валютчик, спекулянт), общественных (пьяница, дебошир, хулиган, бюрократ) и т.п. Либо тем, кого, по тем или иным его внутренним свойствам, не подходящим, мешающим, следует исключить как неодобряемого, не подходящего или мешающего и не годного (волокисточник, склочник, лавочник, обыватель). При этом признаки могут быть для одного и того же словесного выражения объединяемы, — для вербальной, лексической, единицы, имеет смысл подчеркнуть, но не для единицы когнитивно-оценочной.

Типологический интерес в последующем может иметь различие выделенных оснований консекутива, квалитатива, мотива и реактива для конвиктивного (проявляемого как осуждение и в осуждении) смысла. Соотношение этих частей, их взаимные переходы и следствия дают возможность более точного описания как имеющегося в знаниях представления об осуждаемом типаже, так и его (представления) контекстных использований и характерных реализаций. Наметившиеся соотношения консекутива и реактива, в частности, предполагает необходимость для действователя активного диверсива уничтожение, вплоть до физического (бандит и экстерминатив), уничтожение как устранение (агент — эксклюзив) либо, в случае действователя, но иного характера, или не действователя другие различные виды регулятивного контрактива — отделение как избавление, как избегание, как клеймение — элиминация, изоляция, инстигмация и т.п. Все это необходимо в дальнейшем, при более полном и обстоятельном описании, последовательно и в соотношениях разграничить и уточнить.

И, наконец, в заключение представляется важным обратить внимание на ряд положений.

Определявшуюся коммуникативно-воздействующую систему в той ее части, в которой предполагается действие диспозитора и номинатора, т.е. того, кто является распорядителем производимых оценок и регуляций, действуя через того, кто все это обозначает и называет, характеризует необходимость создания в массах слушателей благоприятствующей среды, поддержки, признания, одобрения в ней — *акцептация*. Та, в свою очередь, уже ради целей руководящей идеи, предполагает необходимость сплочения тех же масс, их *кумуляцию*, с последующей возможностью направленного использования (*мобилизация*), с расширением, распространением, объединением и сплочением все больших присоединяемых массивов — *интеграция*. Воздействующий характер на активизируемую среду состоит

в сжимании и вытеснении (идея единства-сплоченности), очищении с отделением, просеиванием и отсеиванием, с обработкой желаемого и поддающегося и удалением не желательного и не поддающегося — *контракция*. В этом, в частности, состоит смысл действия, обозначенного как осуждение — *конвиктив*, которое осуществляет себя в характерном для данной регулятивной системы языке в единицах, представляющих собой когнитивно-оценочные образования для сознания пользователей — говорящих и слушающих, проявляемые и обнаруживаемые себя в словах общего, в первую очередь литературного, языка. Для того чтобы эти последние могли стать носителями соответствующих регулятивных смыслов, они должны быть насыщены соответствующими включениями, с перераспределением, нейтрализацией одного, акцентуацией чего-то другого. Производится это за счет того, что слова становятся единицами не только литературного, но и еще одного языка, в котором важную роль начинает играть идейная (идеологическая и политическая) ориентация и актуальный, прежде всего социальный, контекст. Идейная ориентация в своем действии на используемые в таком языке единицы опирается в значительной степени на общественную мораль, а также связанные с нею систему ценностей и оценки, с которыми она также осуществляет регулятивно-преобразующие, *контрактивные*, перестановки, включения, исключения, акцентуации, нейтрализации и т.п. Общественная мораль, преобразованная соответствующим образом, со своим подчинением руководящей идее и связанным с ней задачам, становится основой *идейного морализма*, который, включаясь, воздействует на оценку используемых в языке единиц и который поэтому может быть выведен и определен как системное, устроенное парадигматически, образование.

Представляя собой парадигму определенным образом связанных значений, действует все это через посредство имеющих смысл позиций и соотношений, определяясь и руководствуясь правилами своего проявления в тексте, словах, с тем чтобы по таким же правилам затем пониматься. Позиции эти имеют характер коррелятивный и релятивный. Коррелятивность проявляет себя в необходимости знать — понимать, что с чем связано, что к чему, от чего и что из чего может следовать, вызывая его или, напротив, элиминируя. Релятивность предполагает своего рода местоименно-сменяемый, коммуникативно передвигаемый, характер в отношении тех, кого осуждают (для разбираемых случаев), равно как и тех, кто это делает, далеко не всегда, а как правило, не предполагая сменяемость этих ролей. Объектами, равно как и субъектами, осуждения могут быть разные лица, воспринимаемые как социальные, позиционные, деятели, фигуры и типы.

Основу таких коррелятивных реляций составляет, как наиболее общее, представление о некоем *Я* (диспозитора и говорящего), о его *контрагенте* (объекте-противнике и оппоненте) и о том, к кому это обращено (*адресате*,

как массовом, так и единичном и групповом). И то, и другое, и третье может иметь характер явного и присутствующего, равно как и неявного или отсутствующего. Парадигма используемых при таком коммуникативном взаимодействии значений не формулируется через обличение, значения пропитаны им от системы оценочных смыслов идейного морализма, представляющей для этой первой (парадигмы значений) основу фоновых знаний и определяющего, вбирающего в себя, контекста. Только в нем вербальные единицы, действующие в таком языке, получают свое насыщение.

Для определения конвиктивного смысла важным также становится представление (исходящее из знания обстоятельств, т.е. опять же контекста) — осуждаемый объект, противник и оппонент, находится в моем распоряжении, в моей власти или не в моей власти (с позиции диспозитора и говорящего). С этим связана еще одна особенность, типичная для характеризуемого языка, — мотивирующая объектно направленная акциональность, проявляющая себя в четырехчастном устройстве консекутива, квалитатива, мотива и реактива. Смысл действия (по крайней мере данного) идейного морализма состоит не только и даже не столько в том, чтобы обозначить, обличив, тем самым, и обозвав, а через это подвести адресата к мысли и подготовить в нем почву для регуляции и контракции, заключающихся нередко в последствиях не одного только агитационного и пропагандистского проявления. Отсюда порядок и смысл частей, о чем уже раньше говорилось. Предполагаемый, предлагаемый как допустимый способ регулятивного действия (воздействия) на объект, своего рода руководящая программа дальнейшего действия (как, впрочем, и себя уже осуществившего), зависит во многом от фаз и этапов становления и развития советской системы, а через это от фаз и этапов развития и самого языка. То есть, помимо своей синхронии, язык этот, в том числе и в характере своего конвиктива, может рассматриваться также в диахронии.

Язык, о котором речь, т.е. советский, пропагандистски себя обнаруживающий язык как вербальная идейно ориентированная система (не будем использовать слово *код*) следующих из этой ориентации значений, оценок и апелляции, неизбежно имеет свое опосредование в системе ментального, не языкового, точнее не собственно языкового, характера. Любое обусловленное какой-то концептуальной системой использование языка, не обязательно предполагая для ее носителей знание и подробную ориентацию в ней, имеет в виду специфический вид (чтобы не говорить усложненный) проецируемых для такого взаимодействия языковых единиц. Не только тех, которые для данной системы свойственны и потому отличаются от не отмеченных в ней, но и других, для нее, как таковые, не характерных, но в ней для ее коммуникативных задач и целей только используемых. Сложность такого устройства во многом и предполагает необходимость определения слов, для того, чтобы их сделать понятными, не как составов объединяе-

---

мых в единое целое лексических значений, подобных словарным, а как особым образом организованных когнитивно-оценочных единиц. В этом и состояла, пожалуй, задача представленного здесь описания, нацеливаемая через показ называемых в осуждении объектов к описанию таких единиц соответствующим образом ориентированного и опосредуемого особой ментальностью языка.